

Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. М., 1995. [Вып. 1: Идеи П.А. Кропоткина в философии](#). С. С.169–192.

С.Ф.Ударцев

Казахстан

АНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ХАОС (О ПРИРОДЕ ОДНОГО ФЕНОМЕНА)

В современной политологической литературе выделяется такой критерий типизации политического сознания, как его ценностное отношение к государству и некоторым другим явлениям, с ним связанным. В соответствии с положительным или отрицательным ценностным отношением к государству (выступающим как своего рода методологическая и когнитивная суперценность) различается два основных объективно формирующихся полярных типа политического сознания — «государственнический» (этатизм) и «антигосударственнический» (анархизм) [1]. Каждый из них, являясь подсистемой политического сознания, имеет свою сложную структуру, широкий спектр идей и теорий.

Анархизм и этатизм как типы политического сознания отражают, осваивают политическую действительность и в определенной мере творчески содействуют формированию и разнонаправленному развитию противоречивых процессов в политической жизни, их ускорению или замедлению. Внутренняя целостность типов политического сознания определяет особенности понятийного, категориального аппарата соответствующих его подсистем, имеющих внутрисистемные, внутритиповые, а также определенные межподсистемные, межтиповые связи и взаимодействия.

Представителями этатистского типа политического сознания в России в конце XIX — начале XX вв. были, например, либералы Б.Н.Чичерин, М.М.Ковалевский, Н.М.Коркунов, либерал, конституционный демократ С.А.Муромцев, социал-демократ Г.В.Плеханов, социалисты-революционеры В.М.Чернов, А.Ф.Керенский, коммунисты В.И.Ленин, Л.Д.Троцкий, Н.И.Бухарин, И.В.Сталин и многие другие. К числу крупных теоретиков анархистского типа политического сознания последней трети XIX — начала XX в. в России, менее известных, хотя и являющихся мыслителями европейского и мирового масштаба, относятся, например, теоретик революционного анархизма-коллективизма М.А.Бакунин, анархизмы-коммунисты П.А.Кропоткин, А.А.Карелин, анархист-гуманист А.А.Боровой, анархист-универсалист А.Л.Гордин, теоретик ассоциационного анархизма П.Д.Турчанинов (Лев Черный), сторонник мистического анархизма А.А.Солонович и другие. Имена теоретиков анархизма не случайно менее известны. В 1920-х — 1930-х годах Боровой, Солонович, Гордин и многие другие подвергались репрессиям, работы их запрещались и замалчивались, известны случаи конфискации и пропажи неопубликованных рукописей (например, при аресте А.А.Солоновича в 1930 г. была конфискована его трехтомная рукопись «М.А.Бакунин и культ Ильдабаофа», судьба которой неизвестна [2]). Долгое время замалчивался и анархизм великого русского писателя Л.Н.Толстого [3], недостаточно исследованы политические и правовые взгляды П.А.Кропоткина.

Отметим, что анархическое сознание несколько шире собственно теории анархизма. Оно включает в себя элементы сознания и иного уровня, и различной теоретической и образной концентрации, и весьма противоречивые идейные образования с меняющимся смыслом в эволюционирующем контексте. В состав анархического сознания входят соответствующие слои обыденного анархического сознания и анархической психологии, а также элементы анархического сознания, «вплетенные» в теории, концепции этатистского сознания, что получает широкое распространение, например, в периоды революций, крупных реформ, кризисов. Так, элементы антигосударственного разрушительного сознания присутствовали в идеологии большевиков в 1917-1918 гг. (и позже, но в существенно меньшем количестве). Имеются подобные элементы и во взглядах ряда теоретиков и публицистов радикально-демократического направления в современный период распада бывшего СССР. И это объективное явление, связанное с глубинной природой феномена анархизма.

Анархический тип политического сознания, как и этатистский, уходит своими корнями в глубокие исторические пласты, видимо, синхронные появлению первых форм государственной власти. Можно предполагать, что ранние идеи с ценностно-негативным отношением к государству и закону возникали как идеализация прежнего родоплеменного строя, память о котором сохранялась в общественном сознании, а с другой стороны, — как спонтанно возникающее у некоторых групп населения в социально-напряженных ситуациях отношение к государству, его конкретным представителям и органам, включенным в механизм эксплуатации и угнетения в рабовладельческом и феодальном обществах. Уже в древнем мире были яркие образцы этого типа сознания (Лао-цзы в Древнем Китае, часть софистов и киники в Древней Греции, отчасти раннее христианство в Древнем Риме и т.д.). В Средние века эту традицию хранили политические идеи некоторых течений религиозного сектантства. В средневековой России представителем этого типа сознания был вольнодумец Феодосий Косой [4]. Его «Новое учение» сложилось в 50-х — 60-х годах XVI века, примерно в тот же исторический период, что и теория «Москва — Третий Рим» старца Филофея — представителя этатистского политического сознания того времени. Период русского централизованного государства и формирования сословно-представительной монархии дает, пожалуй, первый зафиксированный в исторических источниках и достаточно известный в литературе значительный почти одновременный «всплеск» полярных типов политического сознания в России.

Теоретическая кристаллизация анархизма происходит в XIX в. (М.Штирнер, П.-Ж.Прудон, М.А.Бакунин, Элизе Реклю, Дж.Гильом, П.А.Кропоткин и др.) [5]. В XIX — начале XX в. завершается оформление биполярной системы теоретического политического сознания и его подсистем — этатизма и анархизма. В дальнейшем идет процесс усложнения подсистем, выработка вариаций идей и доктрин соответствующих типов, внутритиповая группировка теорий, течений политической мысли, их модернизация.

Л.С.Мамут не без оснований полагает, что общие черты строения политического сознания нельзя объяснить «лишь из взглядывания в него самого, ибо задает их ему композиция той макросистемы, в которую оно (через общественное сознание) и «ценностные формы сознания») входит, а именно сознание в целом» [6]. Соглашаясь с этим суждением, полагаем, что при исследовании типов политического сознания необходимо учитывать и некоторые

онтологические моменты, определяющие деятельность сознания, — в частности, другие макросистемы, в которые включено общественное сознание и его формы (культура, общество, природа). Формирующиеся общенаучные подходы позволяют это сделать в первом научном приближении.

В современных условиях, когда наметилась общенаучная тенденция формализации знаний в различных отраслях наук и возрастания степени точности «гуманитарных наук», новое значение приобретают появившиеся общенаучные подходы, категории, понятия и другие формы общенаучной интеграции, синтеза накопленной информации. Общенаучные познавательные средства, наряду с законами и категориями философии, отмечает Д.А. Керимов, выполняют методологическую роль для всех определенной группы наук [7]. Так, в начале 1970-х годов на базе успехов кибернетики сложилась новая научная дисциплина — синергетика, изучающая совместное действие многих подсистем неупорядоченных систем самой различной природы (физических, химических, биологических, технических, экономических, социальных и т.д.), в результате которого происходит самоорганизация системы, а также общие принципы и закономерности самоорганизации [8]. Исследуется и обратный процесс — переход системы от состояния порядка к хаосу. Эта дисциплина, возникшая на стыке физики, химии, математики, кибернетики, биологии, социологии и т.д. получает выводы, имеющие общенаучное значение по проблемам самоорганизации и организации, диалектики хаоса и порядка в различных системах. Представляется весьма перспективным использование данных синергетики и применительно к исследованию системы общественного политического сознания.

Одной из важных функций общенаучных средств познания является перенос знаний из одних отраслей наук в другие [9]. При этом наиболее ценен не механический, прямой перенос ранее добытого, зафиксированного и признанного знания из одних отраслей в другие, а «перенос, если можно так сказать, «творческий», имеющий эвристический смысл, когда переносимое знание качественно перерабатывается, трансформируется, внутренне видоизменяется и в результате порождает новое знание — с учетом специфики именно той отрасли науки, где оно индуцируется. Это, скорее, даже не перенос, а именно индукция, индуцирование (своеобразное «наведение») одного фрагмента знания другим [10].

Статус общенаучных категорий в настоящее время приобретают категории «хаос» и «порядок», довольно основательно разрабатываемые в современных естественных науках и в философии. «Наведение» типов, полюсов политического сознания на категории «хаос» и «порядок» позволяет получить новое теоретическое знание об общественном сознании и онтологической природе анархизма. До настоящего времени в литературе этот вопрос о соотношении типов политического сознания с категориями «хаос» и «порядок», выражающими основные состояния и фундаментальные начала природы и общества, не рассматривался.

Прежде чем рассмотреть проявления «хаоса» и «порядка» в политическом сознании, отметим некоторые моменты диалектики этих начал, состояний [11]. При всей их противоположности между ними существует многоплановая, глубокая, взаимопроникающая и обратная связь. В

космологических, геологических, химических и других процессах и явлениях в природе, в экономических, политических и социально-психологических и тому подобных процессах и явлениях в социально-историческом развитии «хаос» и «порядок» выступают как категории, фиксирующие динамичные внутрисистемные соотношения между предметами, явлениями, процессами и т.д. При ближайшем рассмотрении более определенной становится относительность и условность взаимного противопоставления этих категорий и воплощенных в них начал.

Нарастание элементов хаоса в системе является следствием нарушения равновесия сил, энергий, форм их взаимодействия, последствием стагнации, дисфункции, кризиса, дезинтеграции, распада системы, включение ее в разрушительные для нее взаимодействия с другими системами и т.д. В то же время хаос внутри системы, сохраняющейся как целое, оказывается как бы ее возвратом в состояние, из которого открываются новые возможности движения, формообразования, содержательных изменений. Происходит своего рода «стирание» прежней системной памяти, распад прежних структур, отношений, взаимодействий, и «расчищается» место для формирования радикально обновленной или качественно новой системы. Полный распад системы может наступить при переходе в состояние макросистемы, в которую она входит. Последующая стабилизация макросистемы может привести к формированию в ней новых структурных системных элементов (например, появление новых государств, союзов, блоков в ходе кризисов и революций в крупных государственных образованиях, в результате мировых войн и т.д.).

Хаос оказывается переходом от одного равновесного состояния системы к другому, с появлением которого может измениться и система. Момент хаоса — закономерная черта, стадия в эволюции предмета, явления, системы явлений (системы систем), переходное состояние от одного уровня и формы организации к другим. В этом отношении хаос выступает как форма, стадия «переупорядочения», «переорганизации», как изменение ритма эволюции, развития, как усложненный динамичный порядок в форме беспорядка, как момент развития цикла форм, ступень эволюции динамичных процессов и состояний. И наоборот, порядок в определенном отношении, при некоторых условиях, оказывается основанием, источником, моментом начала хаоса, или же его скрытой формой (например, в условиях длительной экономической и политической стагнации возникают многослойные «теневые» явления в экономике, политике, праве и т.д., содействующие накоплению, усилению дестабилизирующих систему факторов в сознании, общественных отношениях, функционировании государственных органов). Не случайно один из «отцов» синергетики рассматривает порядок и хаос как относительно противоположные явления, «неотделимые друг от друга» [12].

В свое время А.А.Богданов, незаслуженно «забытый» в истории общественно-политической мысли, рассматривал состояния порядка и хаоса в связи с проблемами организованности и неорганизованности общественной жизни. Тенденцию к нарастанию неорганизованности в общественной жизни он связывал с неоднородностью элементов общественного целого, стихийностью его развития и внешних воздействий. Неорганизованность, по Богданову, есть, в целом, неэффективная, расточительная форма существования, поскольку «во всех областях жизни» она означает «непроизводительную растрату ее сил, антагонизм ее форм,

противоречивость ее проявлений» [13]. В дальнейшем эта неорганизованность социальной системы порождает борьбу классов, обостряющуюся, принимающую разные формы. Эта борьба выступает как противоречивое единство: с одной стороны — как следствие неорганизованности, с другой — как форма, средство организации, силового уравнивания общественных сил. «Нетрудно понять, — писал А.А.Богданов, — какое громадное значение для развития имеет все то, что вносит какой-нибудь порядок в этот хаос, что сколько-нибудь организует эту неорганизованность, что ставит какие-нибудь рамки этой дисгармонии, как это делают принудительные нормы. Вот почему общественное творчество в этой области развертывается с громадной силой и порождает громадное богатство форм. Это — результат суровой жизненной необходимости» [14]. Очевидно, этим объясняется и активная многомлановая разработка различных аспектов и вариантов «государственного» типа сознания, моделирующего разнообразные формы организованности и противостоящего в сфере идеологии началу хаоса.

Между хаосом и порядком существуют определенные обратные генетические связи. В ряде случаев системы могут эволюционировать от порядка к хаосу. Это направление эволюции фиксирует второй закон термодинамики. Подобное направление развития может иметь место, например, и в правовой сфере, когда избыточное усложнение и ужесточение порядка, увеличивающийся поток противоречивых законов, указов и пр. без соответствующей их координации может создать эффект хаоса из порядка. В других случаях имеет место противоположная направленность эволюции систем — от хаоса к порядку. И.Пригожин и И.Стенгерс констатируют, что теперь в науке «известно, что неравновесность — поток вещества или энергии — может быть источником порядка» [15]. Хаос выступает как «превращенный» порядок, как проявление внутренней эволюции порядка. Переосмысливая концепцию хаоса, синергетика, в частности, вводит понятие «детерминированного хаоса» как «сверхсложной упорядоченности, существующей неявно, потенциально, и могущей проявиться в огромном многообразии упорядоченных структур» [16]. Современные представления о мире, его конечности и бесконечности, единстве его хаотичности и закономерности приводят к уточненному пониманию естествознания. Из области знания о законах природы, по мере проникновения в тайны мироздания, естествознание «становится знанием о диалектике закона и хаоса. Неразрывность закона и хаоса, которая прежде осознавалась в основном на интуитивном уровне, в настоящее время все чаще выступает как сознательно фиксируемый исходный принцип исследования» [17].

В настоящее время «хаос» перестал быть синонимом отсутствия порядка и обрел структуру, подобно тому, как перестал быть синонимом «ничего» физический вакуум [18]. В этом смысле современная наука как бы заново «переоткрывает» глобальность диалектики явлений «хаоса» и «порядка», новые проявления и аспекты противоречий и противоположностей. Открытие предсказанных ранее многочисленных античастиц, антивещества (антиматерии), явлений аннигиляции в физике, исследование антител и антигенов в биологии, углубление знаний о состоянии систем в «неравновесных ситуациях», об эволюции самоорганизующихся систем от состояний «хаоса» к «порядку» и обратно, разработка проблем несимметричности Вселенной и т.д. — все это уточняет ряд общенаучных понятий, расширяет представления о соотношении, смысле и содержании явлений порядка и хаоса. Подобные явления обнаруживаются и в строении, функционировании общественного сознания. В этом

отношении анархизм как тип политического сознания выступает и как некое политическое антисознание по отношению к этатизму.

Диалектика порядка и хаоса находит воплощение, проявление в биполярной и ценностно дуалистически ориентированной структуре политического сознания. С учетом отмеченных выше подходов теории самоорганизации сложных систем можно предложить следующую обобщенную системно-динамическую модель строения и функционирования политического сознания. Это — динамичная эволюционирующая система с биполярной, внутренне сложной структурой, включающей два типа политического сознания — этатизм и анархизм, имеющих сложный динамический спектр течений. Система эволюционирует и как целое, и в форме эволюции типов и течений внутри них, и вместе с макросистемами, в которые она входит («общественное сознание», «сознание», «общество» и т.д.). Политическое сознание идеально воспринимает, отражает объективную многогранную диалектику хаоса и порядка и, в свою очередь, проецирует познаваемые закономерности, гипотезы и т.д. об этой диалектике в сознании (познание и самопознание) и на практико-политическую реальность. Политическое сознание содействует своевременному и эффективному по форме и содержанию переводу политической системы в состояния хаоса и порядка по мере вхождения общества в определенные «точки развития», поддерживает функционирование трансформирующейся политической системы, способствует прохождению ею «периода кризиса». Идеологически и психологически оно обеспечивает «включение» и «выключение» механизмов политической стабилизации в общественной эволюции. При этом «сверхзадача» — содействие сохранению общества, соответствию политической системы потребностям общественного развития, гармонизации социальных отношений за счет гармонизации политических отношений и углубления познания политической стороны реальности.

Анархическое сознание можно рассматривать как частный случай отмеченных фундаментальных явлений, как превращенную идеальную форму идеального хаоса, его элемент. Имеется ряд черт, свойств, обнаруживающих это «родство». Система идей, образов и т.д. анархического сознания по существу — средство моделирования и сама модель «хаотически самоорганизованного» общества. Идеалом анархического сознания является отсутствие каких-либо заранее заданных «системозамыкающих» параметров. Не признается какой-либо «искусственной» организации, жестких позитивных структур в политической жизни, в идеологии, в праве (хотя имеются весьма жесткие структуры отрицания — логические и образные). Развитие общества понимается как результат действия бесконечного множества микросил (в социальной жизни — индивидов, их групп, крупных социальных общностей и т.д.). Невозможность полного и точного охвата всего множества общественных и природных взаимодействий в микро- и макромире, согласно логике анархизма оправдывает и объясняет полный отказ от сознательного регулирования стихийных процессов в обществе. Для «спонтанного сознания» множество стихийных взаимодействий и есть единственно возможный естественный порядок, понимаемый как произвольная саморегуляция, самонастраивающаяся стихия.

Стихийная самоорганизация общества признается результатом естественной внутрисистемной самоорганизации отношений, интересов свободных и сознательных

личностей, их групп. Характерен отказ от каких-либо принудительных политических институтов, наделенных властью и компетенцией по своему усмотрению регулировать, упорядочивать общественную жизнь. Типичен и отказ от жестких методов регулирования социальной жизни и признание норм, складывающихся стихийно, «снизу», постоянно уточняющихся, обновляющихся и т.д. с учетом малейших изменений в социальной жизни, в воле и интересах лиц, групп, союзов, федераций, установивших в договорах между собой эти нормы. Предполагается, что бесконечное число сил, действующих на социальную систему изнутри и извне при условии свободной и полной реализации всех интересов, взаимодействий, всех прогрессивных потенциальных возможностей, обеспечивает достижение обществом и его членами максимально возможной гармонии, свободы и процветания.

Различные варианты методологии анархизма в XIX-XX вв. были фактически настроены на переработку, воспроизведение и приложение к философии, политике, праву и т.д. разных аспектов хаотических процессов и состояний в природе, обществе, сознании. «Хаотическая методология» анархизма имела разнообразные формы (релятивизм и солипсизм М.Штирнера, «синтетическая» и механистическая диалектика П.-Ж.Прудона, «негативная диалектика» гегельянца М.А.Бакунина, стихийно-материалистическая естественнонаучная философия П.А.Кропоткина, интуитивная философия А.А. Борового, мистическая диалектика А.А.Солоновича, «эпистемологический анархизм» П.Фейерабенда и т.д.) и позволяла, сравнительно оптимально, с точки зрения анархизма, отобразить, выразить хаотический момент природных и социальных явлений, процессов.

В периоды социальных революций, войн, крупных реформ возникает своего рода усиливающий резонанс «хаотического мировоззрения». Нарастанию социального хаоса соответствует быстрый рост элементов «хаотического сознания» — анархизма в общественном сознании.

Этатизм, «государственническое» сознание как тип политического сознания, наоборот, обладает признаками того, что он является преобразованной идеальной формой проявления в конкретной области фундаментальной тенденцией к порядку, урегулированности, организованности. Широкий спектр, плюрализм этатистского сознания от либерализма до крайних форм тоталитаризма соответствует диалектике порядка, многообразию его проявлений в политической сфере.

Типы политического сознания, тесно взаимодействуя и взаимовлияя друг на друга, вместе с тем имеют свой собственный цикл и ритм развития, свои «пики активности» и т.д., обусловленные системой факторов — географических, экономических, политических, духовных. Этатистский тип политического сознания предвосхищает, прогнозирует, обобщает этапы эволюции государства, развитие его форм, режимов, внешней политики, обосновывает необходимость укрепления государства как фактора интеграции и упорядочения общественной жизни, переход к новым, более эффективным в конкретной исторической обстановке государственным формам. Этот тип ориентирован в целом на познание позитивных аспектов природы государства, власти, юридических норм, региональных и мировых политических процессов, тенденций. Анархический тип политического сознания непосредственно связан с иными сторонами политических явлений, процессов:

региональными или глобальными кризисами тех или иных государственных форм, их разрушением и возникновением новых. Этот тип сознания преимущественно «высвечивает» и прогнозирует возможные негативные последствия тех или иных сторон, форм, методов государственной деятельности, предупреждает, нередко в метафорической форме, о кризисе и крахе государств, о завершении стадий, этапов государственной эволюции. Отсюда нетождественность ритмов эволюции этатистского и анархистского типов политического сознания. Это не исключает и возможности в ряде случаев совпадения периодов их активизации, взлетов творческой активности во время глубоких социально-политических кризисов или в моменты общего духовного подъема.

Как бы ни казалась мала роль анархизма в политическом сознании отдельных исторических периодов, как бы ни уменьшалась его активность, этот полюс политического сознания продолжал существовать и функционировать, — так же, как не мог исчезнуть и «государственнический» тип сознания даже в эпохи банкротства, распада, гибели малых и гигантских государств. «История не знает периода, — справедливо пишет Л.С.Мамут, — в котором все дормарксистское политическое сознание оказывалось бы на 100% «государственническим» или целиком «антигосударственническим». Причина в том, что данные два типа политического сознания не могли существовать (в контексте социокультуры классово-антагонистического общества) один без другого. По логике вещей они должны были дополнять друг друга и дополняли» [19]. Это же можно констатировать и для более позднего периода второй половины XIX-го — XX веков. Причем наиболее зрелых форм оба типа политического сознания достигают, осмысливая причины, опыт тоталитарных государств и мировых войн XX в. Оба полюса сознания играли определенную роль и в познании, и в политической жизни, и относительно друг друга. Так, анархизм, как и либерализм в рамках этатизма, имеет ярко выраженную антитоталитарную направленность. Подавление и преследование анархизма и либерализма создает более благоприятную почву для формирования тоталитарного политического режима и соответствующего сознания. Недооценка и игнорирование анархического типа политического сознания в истории политической мысли свидетельствует, с одной стороны, о наличии некоторых «белых пятен» в исследовании истории оппозиционной политической мысли, а с другой стороны, — о некоторой некритической самооценке и определенных стереотипах «государственнического» сознания.

Социально опасными могут быть тенденции, заключающиеся и в анархическом сознании (их «крайняя точка» — разрушение государственности), и в этатическом сознании (их практико-политический предел — крайняя форма тоталитарного государства, что в условиях сохранения угрозы мировой ядерной войны опасно не менее, чем разрушение государственности). Но было бы ошибочно недооценивать и объективную роль этатизма и анархизма в механизме политической эволюции, в содействии переходу общества в исторически назревшие состояния «порядка» и «хаоса» (как ступени к новому состоянию порядка). Обществом востребуются, в меняющихся пропорциях и формах (в различных условиях) обы типа политического сознания.

С началами хаоса и порядка вполне согласуются также социальные основы типов политического сознания, организационные формы соответствующих им политических движений и политическое поведение их участников.

Если этатизм опирается на устойчивые социальные классы, слои, группы, являющиеся носителями тенденций порядка, стабильности, то социальная база анархизма весьма специфична. Как правило, это общественные слои с промежуточным, неустойчивым положением. Это — вытесняемые на периферию социально-политической жизни и разоряющиеся слои, деклассированные или люмпенизированные группы и индивиды. Например, ранний даосизм в Китае (VI-III вв. до н.э.), который в целом может быть отнесен к анархическому типу политического сознания (с поправкой на соответствующий эпохе теоретический уровень, проблематику, форму выражения идей, образов и т.д.), был идеологией разорившихся крестьян, неимущих общественных слоев. Киническое сознание в Древней Греции, просуществовавшее как относительно самостоятельное явление почти тысячелетие (с V в. до н.э.), популярное среди социальных низов древнегреческого мира, типологически родственно древнекитайскому даосизму и бунтарским идеям раннехристианских сект [20], атрибутом идеологии которых также являлись критика и отрицание государства и законов рабовладельческого строя в приемлемой исторической форме. Известно, что значительную долю членов раннехристианских общин составляли низы общества. Социальную опору средневековых религиозных сектантских движений, некоторых идейных течений в периоды крестьянских восстаний, войн, имевших черты, свойственные «антигосударственному» типу политического сознания, также составляли обнищавшие, отчаявшиеся общественные группы (в основном крестьяне, в том числе из сословий, близких по своему положению к рабам).

Социальной основой теоретически зрелого, «распакованного», разветвленного анархического сознания XIX в., согласно долгое время существовавшему в советской литературе стереотипу, признавались исключительно мелкобуржуазные слои. Однако эта характеристика, действительно фиксирующая ряд важных моментов, не объясняла значительный люмпен-пролетарский компонент анархизма, существование ряда склонных к анархизму групп рабочих, крестьян, интеллигенции, студенчества, с натяжкой причисляемых к мелкой буржуазии. Хотя мелкая буржуазия в силу промежуточного положения между буржуазией и рабочим классом действительно весьма подвержена анархизму (а часть ее симпатизирует сильной власти), конкретно-историческая основа анархического типа политического сознания шире и многообразней. Она существовала и имела различные формы и до появления собственно буржуазии (и мелкой буржуазии в том числе). Такой социальной основой была совокупность общественных слоев, групп с высокой степенью социальной неустойчивости: значительная часть мелкой буржуазии, люмпен-пролетариата, деклассированных элементов, в том числе из привилегированных сословий, групп, часть рабочего класса, разоряющегося крестьянства, интеллигенции, студенчества и т.д. [21]

Для «маркировки» социальной почвы крайнего революционаризма и анархизма представляет интерес разработанное в социологии и широко применяемое в настоящее время понятие «маргинальности». К чертам маргинальной личности в современной социологии относят

неадаптивность во многих отношениях к социальной жизни, невключенность в существующую легальную упорядоченную систему отношений, наличие определенного социально-психологического дискомфорта, способного проявляться в неожиданных формах пассивного и активного поведения. Маргинальные слои, поставленные на грань отчаяния и безнадежности, в определенных условиях оказываются носителями анархического сознания. Важно отметить, что в современном обществе к чертам маргинальности относятся и отчужденность от системы потребления, и социально-психологическая неудовлетворенность своим положением, не всегда прямо пропорциональная незначительности доходов и уровню материальной необеспеченности. Маргиналы — не обязательно представители «низов», есть среди них и выходцы из средних социальных слоев и даже из элиты [22]. Одним из факторов маргинализации является и трудность адаптации для отдельных общественных слоев, профессиональных групп к современному уровню развития технической цивилизации.

Однако отождествление социальной основы анархизма с маргинальными слоями также общества — слишком грубая схема, хотя бы потому, что эти слои являются основой для ультрарадикальной идеологии в целом, в том числе этатистского типа. Наиболее общей чертой социальной базы анархизма является именно высокий уровень социальной неустойчивости составляющих эту базу слоев, групп, личностей. К ним относятся маргинальные группы, деклассированные элементы, промежуточные слои между относительно устойчивыми, но противоположными классами, группами, а также люмпенизированные слои. Эти социальные образования могут служить основой и иных радикальных движений, форм сознания (например, различных тоталитарных форм сознания и соответствующих движений). В данном случае важна преобладающая тенденция направленности изменений в состоянии неустойчивости и соответствующая этому установка в сознании. Преобладающая тенденция в нарастании социальной неустойчивости и отсутствие видимой перспективы стабильности в рамках данной политической и правовой системы способствуют формированию деструктивных, дезинтеграционных установок в сознании. Социальные группы с таким направлением эволюции их социальной неустойчивости — склонны к анархизму. Противоположное направление развития социальной неустойчивости и видимая возможность определенной стабилизации и улучшения материального и политического положения при условии стабилизации и упорядочения политико-правовой системы способствуют формированию установки на оправданность более жестких форм наведения ожидаемого и желаемого порядка, на сильную власть, авторитарный и тоталитарный режим.

Типам политического сознания, их ориентации на хаос и порядок в основном соответствуют связанные с ними формы политических партий, движений. Этатистский тип сознания коррелирует политическим партиям, движениям, союзам с более жесткой внутренней организацией (по крайней мере, укрепляющейся циклически, синхронно парламентским выборам) и, как правило, стремящимся захватить государственную власть и осуществить «упорядочение» общественных отношений в соответствии с интересами представляемых социальных групп, классов. Анархический тип политического сознания в организационном плане связан преимущественно с такой формой, как политическое движение, не стремящееся к захвату власти, выступающее на практике как фактор критики, оппозиции, дестабилизации,

дезинтеграции. «Хаотическая» природа анархизма и в теории, и в организационном отношении находит вполне адекватное выражение.

Не раз предпринимавшиеся попытки создать анархистскую партию, в том числе и в России, и бывшем СССР, — например, в 1917-1920 гг., не имели успеха. Организационные формы анархического движения чужды жесткой дисциплине. Создание партии с участием анархистов возможно, видимо, лишь на какой-то смешанной этатистско-анархистской основе; эта тенденция чаще всего проявляется в анархо-синдикалистском движении, ориентирующемся на организованное рабочее движение. Если теоретически допустить такой союз, возникающий как результат компромисса, диктуемого конкретными политическими соображениями, то естественно предположить кратковременность и переходный характер подобной организации.

С началами «хаоса» и «порядка» связано и поведение различных субъектов политических отношений. В политической психологии различают нормы политического поведения для стабильных и нестабильных политических систем. Стабильная политическая система «нуждается в своих активистах лишь на определенных, достаточно кратковременных поворотах избирательного маховика [...] В эпохи же кризисов все политические партии и организации требуют большей степени включенности и лояльности» [23]. Для анархического движения в обеих ситуациях характерно неординарное поведение. Спектр такого неординарного поведения может быть весьма широк: от кампаний гражданского неповиновения (гандистского типа) и неучастия «во зле» (толстовского типа) до активного насильственного сопротивления представителям власти, террористических актов и вооруженной «партизанской войны» (например, по типу «Красных бригад» в Италии). При этом любая форма анархистских выступлений — будь то аполитический бойкот, бездействие или активные политические акции — является проявлением начала «хаоса» по отношению к существующему «порядку».

В периоды революционных кризисов интенсивность такого поведения анархических групп, хаотизирующего систему, дестабилизирующего порядок, «раскачивающего» общественное сознание, резко возрастает. Во время кульминации революционного разрушения поведение анархистов во многом «сливается» со стихийными анархическими тенденциями в поведении революционных масс. Возникающий при этом своего рода «хаотический резонанс» усиливает интенсивность пропагандистской и практико-политической деятельности анархистов. Это, в свою очередь, стимулирует массовые действия, акции, содействующие разрушению прежней социально-политической системы. В этих условиях происходит некоторая интеграция элементов системы анархического сознания (прежде всего его критической программы) в идеологию широкого освободительного и революционного движения. После очередной стабилизации системы начинается «отлив» «хаотического сознания», происходит постепенное «вымывание», «фильтрация» этих идей, фрагментов концепций из официальной политической идеологии и частичное сохранение их в сфере критики дореволюционной системы. В большей мере элементы анархического сознания могут сохраниться в идеологии движений, партий, оставшихся в оппозиции и более длительное время сохраняющих критический потенциал революционной эпохи.

И еще одно замечание. Анархический тип поолитического сознания близок другим «родственным» явлениям, также преломленно выражающим начала «хаоса» и нонконформизма в области культуры, сознания в целом. К ним относятся, например, авангардистские течения в литературе и искусстве конца XIX — XX века [24]: в живописи (например, значительная часть творчества художников-импрессионистов и постимпрессионистов, абстракционистов, космистов и других), в музыке (например, течения «неуправляемой музыки», творчество ряда авангардных рок-групп и т.д.), в архитектуре (разрушением прежнего «порядка» в этой сфере явились, в свое время, направления «конструктивизма», «функционализма» и т.д.), в скульптуре (кубизм, конструктивизм, абстракционизм и т.д.), в поэзии (символизм, футуризм, биокосмизм и другие), в прозе (научная фантастика, жанр антиутопии и т.д.), в театральных постановках (театр абсурда, условно-символическое направление и т.п.). Типологическое родство анархизма со многими из этих «бунтарских», «хаотических» направлений творчества, разрушающих «границы дозволенного» проявлялось, порой и в непосредственном их единстве, в близости к анархизму ряда их представителей.

Русский авангард в литературе и искусстве 1910-х — 1920-х годов, являющийся уникальным историческим феноменом, бывший, по справедливому признанию Б.Гройса, «одним из самых радикальных европейских культурных движений» [25], по своему мироощущению был близок постклассическому анархизму и левому революционаризму в целом. Установки авангарда на эстетику разрушения, хаоса, на «аннигиляцию» традиций, канонов, стремление к максимальной раскованности художественных форм и их новизне как проявлениям, символам освобождения человека и преобразования мира, его порыв к «тотальному космическому обновлению мира» и т.д. были созвучны идеям анархизма, особенно его постклассическим формам.

Таким образом, имеются многообразные связи типов политического сознания с началами, состояниями «хаоса» и «порядка» в обществе как самоорганизующейся системе. Отношение к государству и некоторым другим политическим и юридическим институтам выступает как конкретное основание, ценностный элемент «разведения», «распределения» идей, концепций, доктрин в политическом сознании по их связи, в конечном счете, с явлениями «хаоса» и «порядка». Выявление связи феномена анархизма с общим началом «хаоса» и рассмотрение его как элемента, формы выражения, проявления хаоса и самоорганизации в общественном политическом сознании, позволяет увидеть новый, более глубокий порядок сущности данного явления, его связи с широким кругом явлений в различных областях жизни, лучше понять его эволюцию и исторические циклы активности.

Примечания

1. См.: *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания. Домарксистский период. М.: Наука, 1989. С.72. См. также: *Ударцев С.Ф.* Правопонимание и формирование правового государства (к проблеме эволюции правопонимания) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 5. С.28.

2. *Солонович С.А.* Заявление в Прокуратуру СССР от 1 июля 1974 г. Хранится в частном архиве. А.А.Солонович умер в 1937 г., посмертно реабилитирован в 1975 г.

3. Об анархизме Л.Н. Толстого см., например: *Ячевский В.В.* Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н.Толстого. Воронеж, 1983. С.74-85 и др.
4. Подробнее о нем см.: *Золотухина Н.М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С.66-88; *Золотухина Н.М.* Русская политическая и правовая мысль // История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986. С.201-202; *Дмитриев М.В.* Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.
5. Об анархизме Бакунина и Кропоткина см.: *Володин А.И.* Мысль на весах истории // Новый мир. 1988. № 11; *Пустарнаков В.Ф.* М.А.Бакунин // М.А.Бакунин. Философия. Социология. Политика. М., 1989; *Ударцев С.Ф.* Кропоткин. М.: Юрид. лит-ра, 1989; *Мндоянц С.А.* П.А.Кропоткин // П.А.Кропоткин. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990; *Пирумова Н.М.* Социальная доктрина М.А. Бакунина. М.: Наука, 1990; Памяти М.А.Бакунина / Отв. ред. Н.М.Пирумова, Н.К.Фигуровская. М., 1990.
6. *Мамут Л.С.* Этатизм и анархизм как типы политического сознания. С. 42.
7. См.: *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С.14.
8. Дисциплина названа «синергетикой» профессором Штутгартского университета Германом Хакеном. См.: *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980. С. 15.
9. См.: *Готт В.С., Урсул А.Д.* Общенаучные понятия и их роль в познании. М., 1975. С.29.
10. *Готт В.С., Семенюк Э.П., Урсул А.Д.* Значение общенаучных средств познания в сближении научных дисциплин разных типов // Проблемы развития общенаучного знания. Томск, 1983. С.17.
11. При всей новизне современных разработок проблем диалектики «хаоса» и «порядка» в целом ряде научных дисциплин, необходимо напомнить, что тема Хаоса — одна из древнейших в истории мысли. Еще в мифологии древних греков началом всего был «вечный, безграничный, темный Хаос», заключающий в себе «источник жизни», из него возник «весь мир и бессмертные боги» (см.: *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. Алма-Ата, 1985. С.13; *Богомолов А.С., Ойзерман Т.И.* Основы теории историко-философского процесса. М., 1983. С.97). Идея бесформенного хаоса как предшественника формообразования присутствовала и в древнеегипетской мифологии (см.: *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсон Т.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984. С.63).
12. *Пригожин И.* Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С.9.
13. *Богданов А.А.* Цели и нормы // А.А.Богданов. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С.51.
14. Там же. С.51–52.
15. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С.36.

- [16.](#) Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С.277.
- [17.](#) Категории «Закон» и «Хаос». Киев, 1987. С. 195.
- [18.](#) Аршинов В.И., Климонтович Ю.Л., Сачков Ю.В. Естествознание и развитие: диалог с прошлым, настоящим и будущим (Послесловие) // И.Пригожин, И.Стенгерс. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С.407.
- [19.](#) Мамут Л.С. Шкала оценок государства и процесс его оценки // История политической мысли и современность. М., 1988. С.43.
- [20.](#) См.: Нахов И.М. Киническая литература. М.: Наука, 1951. С.5-9.
- [21.](#) Сложность социальной основы анархического сознания подтверждается и данными В.В.Кривенького о составе анархического движения в России в 1905-1907 гг., полученными на основе систематизации сведений о 400 участниках восемнадцати анархических организаций семи регионов. (См.: Кривенький В.В. Анархисты в революции 1905-1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С.25.)
- [22.](#) См.: Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С.245-246.
- [23.](#) Шестопал Е.Б. Очерки политической психологии. М., 1990. Вып. VI. С.28.
- [24.](#) На определенную связь идей анархизма с некоторыми течениями в искусстве XX в. обратил внимание в своей докторской диссертации Э.Весело. См.: Weseloh E. Anarchismus. Eine Bewußtseinshaltung. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelm-Universität zu Münster. 1968. S.6-7.
- [25.](#) Гройс Б. Русский авангард по обе стороны «черного квадрата» // Вопросы философии. 1990. № 11. С.67.